

¹Sholakhov M.G. ²Nabiev R.A.

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

²Bulgarian Islamic Academy, Bolgar, Republic of Tatarstan, Russia

ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСА САРАЙЧИКА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ УЛУСА ДЖУЧИ

Аннотация. Цель статьи состоит в том, чтобы показать, как город Сарайчик представлен в западноевропейской историографии XIX–XXI вв. на материале классических обобщающих трудов и современных исследований по Улусу Джучи и постордынским образованиям. *Актуальность работы* обусловлена тем, что Сарайчик нередко фигурирует в научной и популярной литературе как важный пункт ордынских коммуникаций и как сакрально погребальный центр, однако в западной традиции эти представления часто строятся на ограниченном круге сведений, топонимических смешениях и вторичных компиляциях, что требует уточнения и критической ревизии. *Новизна исследования* заключается в систематизации западных интерпретаций Сарайчика с выделением устойчивых сюжетных мотивов и источниковых зависимостей. Метод основан на источниковедческом и сравнительно историографическом анализе, включая выявление повторяющихся ошибок и заимствований. *Результаты* показывают, что западные авторы чаще всего описывают Сарайчик в трех рамках, как транзитный узел ордынских путей, как пространство памяти и погребальной сакрализации элиты, и как важный пункт ногайского политического ландшафта позднего средневековья, при этом наиболее проблемными остаются случаи смешения Сарая, Нижнего Сарая и Сарайчика и некритическое использование компилятивных сведений. Делается вывод, что представление о сакрально погребальном статусе Сарайчика в целом правдоподобно, однако персональные атрибуты и датировки в западной традиции нередко остаются гипотетическими и нуждаются в дополнительной проверке путем повторного критического чтения источников. В работе также учитывается, как в западной литературе менялась терминология и география «ордынских столиц» в зависимости от переводов восточных источников и археологических открытий XX–XXI вв., а также насколько устойчиво в научном обороте закреплялись спорные идентификации. Отдельное внимание уделяется тому, какие авторы и справочные издания выступали «узловыми» посредниками распространения сведений о Сарайчике и какие каналы (энциклопедии, карты, компендии) чаще всего воспроизводили ошибочные топонимические связи.

Благодарность: ИРН AP26103999 «Комплексное изучение истории средневекового городища Сарайшык»

Ключевые слова: Сарайчик, Золотая Орда, западноевропейская историография, погребальные практики, источниковедческий анализ, Улус Джучи, Жайык.

Введение

Анализ западноевропейской историографии о Сарайчике требует выйти за пределы локальной археологической и нумизматической фактологии и посмотреть, как менялись представления о «малом Сарая» в больших нарративах об Орде – от ориенталистских компиляций XIX века до сетевых синтезов XXI столетия. Уже у И. фон Хаммера-Пургштала образ «Сарая» и связанных с ним топонимов конструируется на стыке переводов, цитирования поздних восточных хроник и стремления к большой геополитической

панораме; именно здесь возникли ранние гипотезы, которые позже будут критически переосмыслены.

Викторианская компилятивная традиция (Генри Хоуорт и др.) закрепила для англоязычной аудитории «волжскую» оптику истории Орды, где Сарай (старый/новый) – центральный узел системы, а периферийные транзитные пункты вроде Сарайчика читаются через призму столичных перемещений и династических кризисов. Эта перспектива, полезная своей источниковой полнотой, одновременно породила устойчивые смешения топонимов и телеологию «упадка», которые сегодня требуют коррекции.

С начала XXI века западноевропейские синтезы (в частности, М. Фаверо) предложили иную рамку: Орда мыслится как гибкая степная империя-сеть, где значение узлов определяется потоками людей, товаров и фискальных практик. В этой оптике Сарайчик выходит из тени «капиталоцентризма» и возвращается как устойчивый транзитный хаб между Нижней Волгой, Хорезмом и степными маршрутами, считываемый через совокупность свидетельств от латинской миссионерской традиции и итальянских компиляций до арабских путевых записок и позднесредневековой нумизматики.

Цель данной работы – реконструировать траекторию формирования западноевропейских представлений о Сарайчике, выявить ключевые узлы спора (тождество «Сарайджик»/Saray-Jük и «Сарай аль-джадид», «погребальные» топосы, картографические и нумизматические аргументы) и показать, как новые археологические находки и критика переводов меняют вес старых гипотез. Источниковая база включает ориенталистские корпуса XIX века, универсальные синтезы XX века и новейшие исследования, соотнесённые с данными археологии памятника у современного Сарайшыка. Методологически статья сочетает историографический разбор, сравнительно-переводческий анализ топонимов и междисциплинарное сопоставление текстовых и вещевых свидетельств. Для читателя задаётся следующая логика изложения: 1) ранняя ориенталистика и конструирование «Сараев»; 2) викторианская компиляция и её долгая тень; 3) поворот к сетевой истории Орды; 4) кейс-стади по Сарайчику (топонимия, нумизматика, картография); 5) выводы и перспективы. В качестве справочного контура используются современные сводные статьи и справочники по Saray/Saray-Jük, что позволяет фиксировать терминологию и минимизировать анахронизмы.

Материалы и методы исследования

Под «западноевропейской историографией» в первую очередь следует понимать исследования, сформированные в академических традициях Германии, Франции и Англии. При необходимости рамки «западного мира» могут быть расширены за счёт американской историографии, поскольку она во многом развивалась в едином интеллектуальном поле с западноевропейскими школами и часто дополняет их подходы и источниковедческие практики. Материалом исследования послужили труды западноевропейских авторов XIX–XXI вв., в которых упоминается Сарайчик под различными топонимическими формами Saraychik и Saray-Jük, а также обсуждается его локализация и возможное соотнесение с другими ордынскими центрами. В качестве ключевых ориентиров использованы обобщающие работы Й. фон Хаммера-Пургштала и Г. Хауорта, а также современные исследования, включая книгу М. Фаверо. Дополнительно привлечён круг западных печатных публикаций, где рассматриваются география Улуса Джучи и его коммуникационные узлы, а также отражены историко-картографические представления о Нижнем Поволжье и Прикаспии. Для проверки корректности западных интерпретаций были сопоставлены сведения нарративных источников арабо-персидской традиции, латинско-итальянских свидетельств и миссионерских сообщений, данные нумизматических каталогов и материалы исторической картографии.

Методологическую основу составляет сравнительно-историографический анализ, направленный на выявление устойчивых сюжетов, интерпретационных схем и исследовательских акцентов в западноевропейской традиции. В рамках анализа сопоставлялись контексты упоминания Сарайчика, используемые авторами топонимические формы, логика их объяснений и степень самостоятельности выводов по отношению к предшествующей литературе. Такой подход позволил проследить преемственность представлений о Сарайчике и обозначить характерные особенности его трактовки в западноевропейской историографии.

В ходе работы с цифровой коллекцией David Rumsey Map Collection была выявлена историческая карта, ранее не вводившаяся в оборот казахстанской историографии, на которой зафиксирован топоним Сарайчик в системе трансконтинентальных маршрутов Евразии. Несмотря на известность самой карты в западных картографических собраниях, ее использование применительно к истории улуса Джучи и Ногайской Орды до настоящего времени в работах казахских историков не прослеживается. Введение данного источника позволяет уточнить представления о пространственной организации ордынских коммуникаций и роли Сарайчика как транзитного пункта в системе сухопутных торговых путей.

Обсуждение

В западноевропейской историографии Сарайчик, как правило, фигурирует не как самостоятельный объект специального изучения, а как элемент общего историко-географического описания Улуса Джучи и постордынского пространства. Такая перспектива особенно заметна в классических трудах XIX века, где сведения о регионе вводятся в рамках широких реконструкций политической истории и динамики ордынского мира. В частности, в книге Й. фон Хаммера-Пургшталя *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland* (1840) и в фундаментальной работе Г. Хайорта *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Part II: The so-called Tartars of Russia and Central Asia* (1880) Сарайчик упоминается преимущественно как географический пункт, связанный с ордынскими путями и региональными процессами Нижнего Поволжья и Прикаспия. Поскольку подобные исследования ориентированы на макроисторический уровень и опираются главным образом на ограниченный корпус доступных тогда сведений, локальные вопросы топографии, хронологии и точной атрибуции конкретных объектов остаются в них второстепенными. В более современной западной традиции интерес смещается к интерпретации Орды как сложной политической системы, связанной с мобильностью, коммуникациями и региональными центрами, что отражено, например, в книге М. Фаверо *The Horde: How the Mongols Changed the World* (2021). Однако и здесь Сарайчик рассматривается преимущественно в составе общего нарратива, тогда как его локальные функции как узла памяти, элитной сакрализации и политической инфраструктуры требуют более строгой источниковедческой проверки. В этом смысле продуктивным оказывается сопоставление западных обобщений с отечественными исследованиями, в которых институциональные механизмы степной власти и практики легитимации анализируются более детально.

Результаты исследования

Австрийский ориенталист И. фон Хаммер-Пургшталь отмечает, что, по сообщению Абул-Гази, Токтай (Токта) был погребён в городе Сарайджик на Яике; именно в этом контексте топоним фиксируется впервые. Поскольку название «Сарай аль-Джадид» («Новый Сарай») впервые появляется на монетах Токтая, Пургшталь допускает его возможную тождественность с Сарайджигом, хотя форма «Сарайджик» встречается и на более поздних монетных выпусках. Отсюда он делает вывод, что при правлении Токтая Сарайджик мог

быть определён местом погребения ханов Золотой Орды (Hammer-Purgstall, 1840: 280). «Нарратив Абул-гази, будучи поздним и компилятивным, усиливает позитивные коннотации вокруг Сарайчика и местами смешивает топонимы, что порождает интерпретационные искажения и требует сопоставления с нумизматическими и археологическими данными.» «Представляется вероятным, что Абул-гази, выступая как поздний компилятор, работал в условиях ограниченной и неоднородной источниковой базы (устные предания, позднесводные хроники), вследствие чего резко сузил резиденциальную географию Улуса Джучи до Сарайчика. Такого рода сузование сопровождалось несколькими эффектами: (1) ретроспективной проекцией реалий более позднего времени на события XIV–XV вв.; (2) ономастическими смещениями и смешением топонимов “Сарай/Нижний Сарай/Сарайчик”, что порождало иллюзию уникальности последнего; (3) риторической позитивизацией роли Сарайчика в логике компилятивного повествования. В совокупности это вело к гипертрофии статуса Сарайчика при недоучёте альтернативных узлов (Сарай-Бату, Сарай-Берке, “Сарай аль-джадид” и др.). Аналитически корректнее трактовать сообщения Абул-гази как индикативные, но вероятностные, подлежащие перекрёстной проверке по независимым корпусам – нумизматике (как маркеру фискально-административной интеграции), археологии и более ранним нарративным свидетельствам; только такая междисциплинарная верификация позволяет отделить риторическую “прибавку смысла” от реконструируемых исторических реалий.

В примечании на той же полосе Пургшталь полемизирует с М. И. Левшиным, который в «Северном архиве» (февраль 1824, № 24) полагал, будто форма «Сарайджик» возникла лишь из перевода Абул-Гази. Пургшталь специально указывает, что «Сарайджик» уже «стоит в самом оригинале» (Hammer-Purgstall, 1840: 99), а потому это название времён Токтая отличалось от «Сарая» на Волге и, вероятно, могло соответствовать «Сараяу-Джедиду». Дополнительно он приводит два свидетельства: в выписке из «Джихан-нума» (по «Fabrica del mondo» Лоренцо Агнани) «Каминеяр», близ Сарайджика, назван усыпальницей «заволжских» ханов, то есть правителей Сарая; а на карте Пиццигани у Яика имеется помета: «Torcel [вероятно, Turbe], sepulcrum imperatorum, qui decedunt de Serai» – «тюрбе, гробница императоров (ханов) Сарая, скончавшихся [здесь]» (Hammer-Purgstall, 1840: 281).

Вместе с тем Рашид ад-Дин в «Джами ат-таварих» Сарайчик не упоминает и локализует кончину Токтая в самом Сарае на Итиле: «...в 712 г. х. (между 9 V 1312 и 27 IV 1313), поставив во главе войск племянника Узбека, двинулся в сторону русов, но в пути заболел и в среду, 4-го раби II 712 г. х. (= 9 VIII 1312), скончался в пределах Сарая, на реке Итиль, на корабле» (Рашид ад-Дин, 1941: 7). Таким образом, поздняя традиция (Абул-гази в передаче Пургшталь) соотносит погребение с Сарайджиком, тогда как современный Токтаю автор Рашид ад-Дин фиксирует смерть в Сарае на Волге. Проблема источников такова: вне восточных хроник (прежде всего Абул-гази; также Өтемиш кажи) прямые фиксации погребального статуса Сарайчика в западном корпусе встречаются преимущественно в картографической традиции позднего Средневековья/раннего Нового времени, уже на фоне ногайской политической доминации. Ранние «западные» нарративные свидетельства до ногайского времени практически отсутствуют; потому реконструкция статуса опирается на сочетание восточной текстовой традиции и картографических помет. В корпусе ранних источников, включая Рашида ад-Дина, не фиксируется функция Сарайчика как погребального центра/некрополя.

Британский историк Г. Х. Хоурт, опираясь на сведения Абулгази, сообщал, что столица Джучи называлась Көк-Орда («Синяя Орда»), что нередко соотносят с позднейшим Сарайчиком. Клапрот указывал, что лагерь Бату находился в местности под названием Уч-Кандак. Брат Юлиан в письме 1237 г. отмечал, что Бату жил в большом городе Хорнах, обычно отождествляемом с Ургенчем; Вольф считал «Хорнах» искажением слова «орду». Рубрук писал, что Сарай был основан незадолго до его возвращения; название тюркское и

означает «дворец», то есть перевод монгольского *ordu*. Также фиксируются топонимы с компонентом «сарай»: Салы-Сарай (ставка джагатаидов), Аргун-Сарай, Зенджир-Сарай, Ак-Сарай (дворец Тимура), Бахчисарай. Юль и Мюллер различали два «Сарая» на Волге – Сарай-Бату и Сарай аль-Джадид (Сарай-Джанибек); первый обычно отождествляют с руинами Селитренного городища близ Астрахани. По наблюдению Френа, в Золотой Орде действовали три монетных двора: Сарай, Сарай аль-Джадид и Сарайчик (Малый Сарай) (Howorth, 1880: 97). Иными словами, в источниках он скорее предстает как эмиссионный центр (монетный двор), а не как погребальный комплекс. Наконец Хауорт добавляет, что на карте Дженкинсона есть пункт под названием Шакашик, который помещён на полградуса севернее Сарайчика, однако о нём он ничего не знает (Howorth, 1880: 361). Двойное обозначение *Shakajik* и *Sherachick* на одном течении Яика отражает компилятивный характер западноевропейской картографии XVII в., в которой разные орфографические варианты топонима Сарайчик были восприняты как самостоятельные пункты. Дублирование топонимов на западноевропейских картах XVII в. является хорошо известным явлением, связанным с компилятивным характером картографической практики раннего Нового времени. Как показал Багроу картографы нередко сохраняли несколько орфографических вариантов одного и того же пункта, помещая их в разные точки карты (Bagrow, 1964: 229–233). Аналогичные примеры подробно рассмотрены Г. Шильдером на материале голландской картографии XVII в. (Schilder, 1986: 110–116). Как отмечал Харли теоретически данная практика объясняется предпочтением избыточности над исключением данных, даже ценой внутренней противоречивости карты (Harley, 2001: 66–69). В результате такие пункты, как Сарайчик, могли быть обозначены на одной карте дважды под разными названиями. В частности, сведения Энтони Дженкинсона, зафиксированные на слух и передававшиеся в различных орфографических формах, могли быть восприняты картографами как обозначения разных пунктов, что привело к двойному нанесению одного и того же города.

Сарайчик также зафиксирован во французской картографии начала XVIII века. Речь идет о карте «*Carte de la Tartarie*», созданной Гийомом де Л'Илем в 1706 году, хронологически соотносимой с периодом правления Тауке хана (1680–1715). Данная гравированная атласная карта размером 64 × 49 см представляет развернутое изображение Тартарии как исторического региона Азии, охватывающего пространства от Восточной Европы до Китая (Delisle, 1706). На карте отмечен топоним *Serachik*, локализуемый в нижнем течении Жайыка и соотносимый с Сарайчиком. Гидронимы *Kosjaik* и *Gem* соответствуют рекам Жайык и Жем, что свидетельствует о внимании картографа к ключевой гидрографической структуре региона. Особый интерес представляет обозначение территории Среднего жуза как *terres d'Ablay*, отражающее политизированный принцип картографирования степного пространства через фигуру Абылая хана. В целом карта имеет значительную источниковедческую ценность как свидетельство внешнего восприятия западноказахстанского региона, его топонимической системы и политической организации в представлениях западноевропейской картографии начала XVIII века.

Место наполнено могилами, выложенными плиткой. Ховорт ссылаясь на Палласа описывает местность Сарайчика как крайне унылую и бесплодную, окружённую камышами и болотной растительностью и покрытую соляной коркой, и считает, что это место было выбрано главным образом из соображений безопасности уже тогда, когда мощь Золотой Орды шла на убыль (Howorth, 1880: 361). Дополнительно важно учитывать, что оценка Палласа как «унылого и бесплодного» ландшафта частично отражает оптику путешественника XVIII века и могла фиксировать уже деградировавшее состояние местности после упадка города. Современные описания городища подчёркивают, что территория памятника сильно страдает от природных факторов, в частности от размыва береговой линии Уралом, что косвенно поддерживает наблюдение Палласа о «сырости» и сложной природной среде вокруг Сарайчика. Сарайчик обладал безусловной

сакральностью и символичностью власти, но в конечном итоге утратил свою практическую значимость из-за сурового климата, джутов и слабой торговой роли (Шолахов, 2025: 27).

Институт царских *qoγuq* (сакрализованных некрополей) вне собственно Монголии, по-видимому, был утрачен быстрее после исламизации ордынских элит. Сведения фрагментарны; сообщение Вассафа о «саркофаге» по монгольскому обычаю, вероятно, ошибочно. Местом погребения ханов традиционно считался Сарайчик на нижнем Яике. Из рассказа Абул-Гази о погребении Токту следует, что некрополь мог функционировать ещё до принятия ислама. Ибн Баттута (1333) «царских саркофагов» не упоминает; в 1580 г. город разрушили казаки, сообщается о вскрытии могил. В ногайской легенде о Токтамыше и Эдиге Сарайчик также назван местом погребения ханов, а их кости сакрализуются как табу. В целом Сарайчик можно рассматривать как сакральный центр памяти Орды с вероятными чертами *qoγuq*, при том что институциональные детали остаются неясными (Бартольд, Роджерс, 1970: 221). Отсутствие у монголов привычки возводить курганы/монументы над могилами элиты не противоречит исламским нормам – напротив, соответствует их минималистскому вектору. Классическая сунна предписывает не возвышать могилы и не строить над ними сооружений (куполов, мавзолеев) и даже выравнивать выступающие насыпи; запрет касается также оштукатуривания и возведения построек на могилах (хадисы об этом приведены в сборниках Сахих Муслим, кн. «Джанā'из»; Сунан Абу Дауд, Сунан ат-Тирмизи). На этом фоне раннемонгольская практика скрытых/немаркированных царских захоронений (вплоть до сакрализованных охраняемых зон – *qoγuq*) оказывается религиозно нейтральной, а после исламизации – даже конгруэнтной норме. Позднее, в Золотой Орде, параллельно с исламизацией двора появляется и исламская мемориальная архитектура (тюрбе), но её допустимость возможно обсуждалась в рамках фикха и оставалась предметом региональных традиций. Она не отменяет того факта, что базовая исламская норма – простое, невысокое захоронение без надстройки.

В книге *The Horde: How the Mongols Changed the World* М. Фаверо описывает Сарайджук как важнейший пункт в системе евразийских торговых дорог: «В Сарайджук меняйте коней на верблюдов и продолжайте путь по меловой дороге в северный Хорезм и старые мусульманские города, некогда принадлежавшие султану Мухаммаду. От Сарайджука до Ургенча, столицы Хорезма в долине Амударьи, двадцать дней пути на верблюжьих повозках. Это длинная сухая дорога по высокому плато, но Ургенч и его окрестности стоят того: город является одним из главных торговых перекрёстков региона, где на базарные дни толпа столь густая, что невозможно проехать верхом...» (Favereau 2021: 118).

Мари Фаверо в книге *The Horde: How the Mongols Changed the World*, опираясь на В. В. Трепавлова, показывает, что в ходе смуты 1360–1370-х годов особое значение приобрёл род мангытов, чьим лидером стал Едигей (Эдиге, *Edigü*). «Тамерлану нужна была помощь, чтобы выйти из тупика, и он получил её изнутри самой Орды. Его главным союзником стал бек по имени Эдиге (*Edigü*), вождь могущественного рода мангыт. Мангыты относились к тем монгольским группам “второго ряда”, которые добились крупных выгод в ходе династического кризиса 1360–1370-х годов. К моменту восшествия Токтамышя на престол владения мангытов простирались от реки Урал до Эмбы и включали важный город Сарайчик (*Saraijuq*). Мангыты извлекали пользу из своего положения на границе между уделами Бату и Орды: они принимали кочевые семьи с обеих сторон, искавшие мира и защиты на фоне междоусобной смуты (*bulqaq*)» (Favereau, 2021: 360). «Ногайцы закрепились в Сарайчике прежде всего по совокупности прагматических причин (транзит, ресурсы, символический статус), при одновременном сужении альтернатив из-за соседского давления. Для Едигея, который использовал исламскую легитимацию власти, Сарайчик как место сакральных захоронений мог иметь особое символическое значение и служить опорой для укрепления авторитета через связь с династической памятью и священной географией Улуса Джучи.

Фаверо подчёркивает, что Мангытам удалось извлечь выгоду из своего положения «между землями Бату и Орды», принимая семьи, уходившие от междоусобных столкновений (bulqaq). В результате Сарайджук и окрестности стали пространством притяжения, которое укрепило позиции Эдиге и позволило ему играть самостоятельную роль во взаимоотношениях с Тимуром (Favereau, 2021: 360). Именно из этих структур выросла позднейшая Ногайская Орда, сделавшая Сарайчик своей столицей.

В последующую эпоху, в период власти ногайских мурз, город сохранял определённое значение, однако в 1580 году подвергся разрушению со стороны донских казаков и с тех пор так и не был восстановлен. Сведения путешественников и исследователей XIX века подчёркивают археологическое и историческое значение этого места. В окрестностях зафиксированы остатки фундаментов и стен, а также многочисленные находки материальной культуры. Особенно показательными являются монеты времён Узбек-хана и его преемников, которые подтверждают письменные свидетельства о богатстве и развитой торговой функции города. Кроме того, отмечается, что Сарайчик выполнял роль некрополя для знати: об этом свидетельствуют найденные надгробные плиты и упоминания о захоронениях ханов и мурз (Hammer-Purgstall, 1840: 386-387). По мысли фон Хаммера Пургштала, главная дорога из Сарая через реку Урал вела к Астрахани, Сарайчику и далее в сторону русских земель и являлась обычным маршрутом передвижения послов и войск. Этим же путём, как правило, следовали и торговые караваны, переходившие Урал и через Астрахань и Сарайчик выходявшие к городам Руси. Сарайчик, расположенный на Яике, выступал важным пунктом Орды, нередко служил местом сбора войск и пунктом пребывания посольских миссий, направлявшихся в Русь и обратно. В результате город приобретал двойное значение: как военный узел на направлении к русским рубежам и как центр дипломатических контактов между Ордой и русскими князьями.

Пургшталь в книге критикует Фрэна за то, что тот поменял своё мнение о местоположении Старого и Нового Сарая. Фрэн считал, что его географические доводы достаточно авторитетны, но автор показывает ошибки в его работах. В частности, Фрэн некритично переписал испорченные тексты и не узнал в «Севейче» город Сарайчик.

Кроме того, Фрэн спутал географические названия: он считал «Сихне» и «Шекаш» разными реками, хотя это одно и то же. Он же называл столицей Белой Орды «Сигнайк», но это название относилось к другому городу - «Саганаку» на Сырдарье, а не к грузинскому Сигнаху. Иными словами, спор касался географической точности: Пургшталь в книге упрекал Фрэна в ошибках при определении местоположения городов и рек Золотой Орды (Hammer-Purgstall, 1840: 582).

В системе координат Хаммера-Пургштала Сарайчик - это не периферийная пристанция, а стратегический город яйцкого коридора, где пересекались военные, торговые и дипломатические потоки Орды; вместе с тем - место памяти и некрополь ордынских правителей (Тохты, Джанибека). Такая двойная перспектива (коммуникационная и сакральная) поддерживается и в историографической полемике: критика ошибочных чтений у Фрэна служит для более точного «привязывания» Сарайчика в географии Золотой Орды.

По сообщению И. фон Хаммера-Пургштала, после возвращения князей Ивана Даниловича и Константина Михайловича из ханской ставки прибыл «посол из Сарайчика», вновь вызвавший их ко двору; князья отправились в сопровождении этого посла и на следующий год вернулись с почестями (Hammer-Purgstall, 1840: 297). Тем самым фиксируется, что в 1333 г. дипломатический представитель прибыл именно из Сарайчика и сопровождал русских князей к хану. Аналогично сообщает и Г. Хоуорт: Иван, по-видимому, совершил несколько поездок в Орду. В 1332 г. он отправился вместе с Константином, и едва успел вернуться, как был снова вызван татарским послом из Сарайчика, на следующий год вернулся в Русь, осыпанный почестями (Howorth, 1880: 163).

С опорой на анонимный западноевропейский «трактат о торговле между Западом и Востоком» (ок. 1315 г.) и более подробный справочник Пеголотти, Питер Джексон реконструирует магистральную сухопутную трассу XIII–XIV вв., которая «связывала Тану с Астраханью (Hājī Tarkhān), Сараем и Сарайчуком на нижнем Яике (Урале), далее с Ургенчем в Хорезме или через Уtrar и Янги (близ Таласа) к Алмалыку; откуда можно было направиться через Кара-хочу в Ганьчжоу (северо-западный Китай) и столицу кагана Ханбалык» «...Тана - Астрахань - Сарай - Сарайчук (на нижнем Яике) - далее на Ургенч; либо через Уtrar и Янги - к Алмалыку; оттуда через Кара-хочу в Ганьчжоу и столицу Ханбалык» (Jackson, 2017: 183). С академической точки зрения это свидетельствует, что значимость Сарайчука определялась прежде всего инфраструктурой дальних обменов и коммуникаций, а не статусом исключительно локального центра, поскольку его присутствие в западноевропейских торговых компиляциях отражает устойчивое знание о маршруте и практическую включенность пункта в межрегиональные сети позднесредневековой Евразии

Фаверо пишет что потомки Джучи на западе создали святыни: жертвенные места, дворцы, религиозные сооружения и корук. Поздняя традиция связывала Сарайчик на Урале с сакральным коруком джучидских ханов. Нижний Урал был изначальным владением Бату, и именно с ним связывали основание города, ставшего духовным центром. Хотя Сарайчик возник ещё в X веке, легенда о Бату отражает его роль как ключевого священного места Джучидов. Здесь, по преданию, находилось царское кладбище, скрытое от посторонних: современник Джуджани писал, что место погребения Бату замаскировали и прогоняли по нему лошадей, чтобы не осталось следа (Фаверо, 2021: 3). В ряде пересказов Мари Фаверо приписывают раннюю датировку Сарайчика (Saray-Jük) вплоть до X в., однако в доступных публикациях самой исследовательницы как в монографии *The Horde: How the Mongols Changed the World* (Harvard, 2021), так и в её участии в *The Cambridge History of the Mongol Empire* (2023), прямой ссылки на археологические комплексы, подтверждающие X-вековое основание, выявить не удаётся. Следовательно, подобная датировка должна рассматриваться как гипотеза без явной источниковедческой привязки. «В историографической перспективе прослеживается устойчивая тенденция к завышенной оценке статуса Сарайчика. М. Фаверо, воспроизводя риторические приемы, заметные уже у Абул-Гази (акцент на исключительности, телеологизация развития, выборочная верификация свидетельств), фактически гиперболизирует роль города и закрепляет за ним преимущественно позитивную характеристику. Такая интерпретация усиливает символический капитал Сарайчика, но одновременно смещает фокус от критического сопоставления разнородных источников (нарративных, нумизматических, археологических) к апологетическому дискурсу, что требует дополнительной проверки аргументации на предмет источниковедческой репрезентативности и контекстуальной валидности». Вместе с тем данное наблюдение не отменяет того факта, что Мари Фаверо исследовала проблематику Улуса Джучи, демонстрируя устойчивый академический интерес и последовательно уходя от евроцентричных нарративов в пользу источниковедчески выверенной, мультиперспективной интерпретации.

Шпулер отметил что в городах действовали монгольские главы администрации даруги (они же коменданты). В татарских центрах, таких как Астрахань и Сарайчик, они упоминаются реже, тогда как в русских городах чаще. В 1262 г. даруги были изгнаны из Ростова, Владимира, Суздаля, Ярославля и Переяславля (часть из них убили), однако позднее их вновь назначили (Шпулер, 2016: 331).

В отличие от И. фон Хаммера-Пургшталя, О. Шпулер не акцентирует «повышенный» статус Сарайчика. Он сосредоточивает внимание прежде всего на Сарае-Бату и Сарае-Берке, подчёркивает кочевую зону Батыя («Синей Орды») и характеризует Абул-гази как позднего автора (Шпулер, 2016: 286). В его тексте есть обращения к Левшину (Шпулер, 2016: 479), что позволяет предположить согласие Шпулера с отмеченной Левшиным проблемой

смешения топонимов. Левшин указывал на возможное смешение у Абул-гази названий «Сарай» и «Сарайчик». Авторы средневековых источников нередко смешивали топонимы «Сарай», «Нижний Сарай» и «Сарайчик», что дополнительно затрудняет реконструкцию событий и локализацию упоминаемых пунктов. В сумме позиция Шпулера представляется более консервативной и источниковедчески выверенной по отношению к Сарайчику, чем интерпретации, склонные к его символическому повышению.

Шпулер отмечает и организацию речного сообщения: на отдельных участках рек действовало судоходство, например между Сараем и устьем Волги, а также с Сарайчиком; путь занимал 8–10 дней. Существенную роль играли суда на Амударье и Куре; русские чаще всего плавали по Волге. Зимой передвигались по замёрзшим рекам на санях, при этом из-за хрупкого льда случались несчастные случаи (Шпулер, 2016: 410).

При Джанибеке Сарайчик стал центром курултая. Как писала М. Фаверо, узнав о смерти Узбек-хана (вероятно, осенью 1341 г.), Тинибек находился на востоке, готовя поход против чагатаидов. Он поспешил вернуться в Сарайчик на нижнем Урале, чтобы участвовать в курултае и занять престол отца, однако по прибытии в центральные области Золотой Орды был убит сторонниками Джанибека; по приказу Джанибека казнили и его младшего брата. В 1342 г. собравшийся курултай джучидов избрал ханом Джанибека (правил в 1342–1357 гг.), единственного законного представителя линии Бату (Фаверо; Трепавлов, 2023: 304).

Вероятнее всего, Сарайчик был основан или получил основное развитие при хане Узбеке (1313–1341). Именно с его эпохой связаны первые упоминания города в европейских (Пасхалий Викториенсис) и арабо-мусульманских (Ибн Баттута) источниках. Отсутствие упоминаний в более ранних сообщениях XIII в. и общий характер политики Узбека, направленной на исламизацию и урбанизацию Улуса Джучи, подтверждают версию о его решающей роли в становлении Сарайчика как важного регионального центра.

Сарайчик имел сакральное значение для чингизидов Улуса Джучи и мангытов, но с падением Великого шелкового пути его торговая и экономическая роль угасла. Подобно Реймсу во Франции, где короли проходили коронацию, Сарайчик служил местом избрания ханов Улуса Джучи. Лишь позднее отдельные правители провозглашали себя ханами в Астрахани, Крыму, Казани или у казахов. Именно поэтому Касым хан стремился сделать Сарайчик столицей Казахского ханства, несмотря на его ограниченную хозяйственную базу. Каждое разграбление и эпидемия ускоряли упадок города, и со временем центры власти переместились в Сыганак и Туркестан у казахов и в Бахчисарай у крымцев. Под влиянием суфизма Туркестан приобрёл особое сакральное значение: казахские чингизиды предпочитали хоронить правителей рядом с Ахметом Яссави, видя в этом путь к духовному возвышению. К тому же их ставки располагались на юге, что делало Сарайчик менее важным. В итоге он оказался на границе соприкосновения с Московским государством и утратил своё значение, тогда как Казахское ханство дольше сохраняло государственность благодаря удалённости, меньшей экономической ценности в ту эпоху и кочевому образу жизни.

С одной стороны, корректность сопоставлений требует оговорки: нельзя напрямую сравнивать экономическую мощь средневековых французских городов и степного узла Сарайчика, поскольку различаются институциональная среда, правовые режимы, масштабы рынков и типы урбанизации. Тем не менее эвристические параллели позволяют точнее схватить многослойность этого центра. На раннем этапе Сарайчик выступал караванной стоянкой и важным транзитно-торговым узлом на линии между Сараем-Бату и Хорезмом, что функционально сближает его с ярмарочными городами графства Шампань (Провен, Труа) как перевалочными пунктами международного обмена. Позднее город приобрёл сакральное значение как место ханских погребений, что напоминает роль аббатства Сен-Дени под Парижем как династического некрополя и символической опоры легитимности. В XV–XVI вв. Сарайчик стал столицей Ногайской Орды и одним из политических центров раннего Казах хандыгы, подобно тому как Авиньон на определённый период превратился в

альтернативную резиденцию верховной духовной власти в эпоху Авиньонского папства. Таким образом, Сарайчик объединял функции торгово-транзитного узла, сакрального пространства и политической столицы. Каждая из упомянутых французских параллелей отражает лишь отдельный аспект его многосоставного статуса, но в сумме подчёркивает его уникальность среди центров монгольских династий.

Сарайчик при Ногайской Орде. Статус столицы.

Польский хронист Матвей Меховский писал, что «Оккас, выдающийся воин и слуга великого хана... был убит». После этого «сыновья его отделились от главной заволжской орды и поселились около замка Сарай (т.е. Сарайчика. - В. Г.), примерно лет за семьдесят до нынешнего 1517 года. Вскоре они до чрезвычайности разрослись, так что в наше время стали уже наиболее много численной и самой крупной ордой». Таким образом, «Трактат о двух Сарматиях» датирует это событие 1447 г. или, как уточняет (Трепавлов, 2013: 29).

Венгерский историк Иштван Вашари отмечал, что Сарайчик играл важную роль в административных и канцелярских практиках Ногайской Орды. По его словам, официальные письма ногайского бия составлялись в столице Ногайской Орды, Сарайчике, тогда как мурзы готовили свои послания во временных кочевых резиденциях, что подчёркивает административную и канцелярскую функцию данного центра (Vasary, 2007: 36). Сарайчик, несмотря на обозначенную И. Вашари роль столичного пункта дипломатической переписки Ногайской Орды, не превратился в устойчивый центр книжной и образовательной культуры, поскольку письменные практики здесь в первую очередь обслуживали административные и внешнеполитические задачи. Специфика степной государственности предполагала высокую мобильность правящих групп и периодическую смену политических опорных пунктов, что ограничивало длительное институциональное накопление и стабильное меценатство. Экономическая и демографическая база степного города была недостаточной для постоянного воспроизводства развитой инфраструктуры учености, включавшей сети медресе, библиотек, переписчиков и устойчивого финансирования. Одновременно в регионе действовали более мощные культурные центры с глубокой городской традицией и системой медресе, прежде всего в Хорезме и Мавераннахре, куда концентрировались ученые и направлялись вакуфные ресурсы, формируя устойчивые интеллектуальные школы. В этих условиях Сарайчик сохранял преимущественно прикладной статус пограничного административного узла и канцелярского пункта, а не долговременного культурного ядра.

Немецкоязычный историк Э. Саркисянц пишет, что среди ногайских мурз произошёл раскол и, в конечном счёте, под влиянием Исмаила (ум. 1563/64) они подчинились русскому царю. Иван IV велел ногаям оборонять Россию от крымских татар и даже от русских казаков. В 1580 г. русские казаки разрушили ногайскую столицу Сарайчик в устье реки Урал и «осквернили их могилы» (Саркисянц, 1917: 301–302). Хауорт добавляет, что в 1580 году Сарайчик был взят уральскими казаками и, по словам Левшина, они разрушили его и перебили жителей, не щадя ни возраста, ни пола, и даже разграбили могилы, забрав то, что в них находилось (Howorth, 1880: 361).

Как писал Сигизмунд Герберштейн: За Татарами Казанскими прежде всего встречаем Татар с прозвищем Ногаи (Nagai), живущих за Волгою, около Каспийского моря, по реке Яику, вытекающей из области Сибирской. Они не имеют царей, а только князей. В наше время эти княжества занимали три брата, разделившие области поровну между собою: первый из них, Шидак, владел городом Сарайчиком (Scharaitzick, Saraitzick, нем. изд.), за рекою Ра, в направлении к Востоку, и страной, прилегающею к реке Яику; другому, Коссуму, принадлежало все, что находится между реками Камой, Яиком и Ра; третий из братьев, Шихмамай, занимал часть области Сибирской и всю окрест лежащую страну. Слово Шихмамай значит святой или могущественный. Эти страны почти все богаты лесом, за исключением той, которая простирается у Сарайчика, она степна (Герберштейн, 1988: 179).

По данным татарского хрониста XVII в. Кадыр Али-бека, Нур ад-Дин умер еще при жизни отца от болезни живота (Усманов, 1972; 83). Эпос приводит более подобающую богатырю причину смерти от потери крови, когда у мирзы открылись старые раны при возвращении из очередного похода. Впрочем, сказитель оговаривает, что по другим свидетельствам, мирза скончался от оспы). Местом кончины названо «пространство между северным и средним рукавами Терека». Тело-де было захоронено на берегу Волги, а сердце «на месте, где герой испустил дух. На этом месте был насыпан высокий холм, который и поныне (во второй половине XIX в. В. Т.) носит название «Могила Нурадина» (Семенов. Яммай). Наконец, османский хронист Абд ал-Гаффар Кырыми сообщает, будто Нур ад-Дин скончался в Туре (т.е. в Юго-Западной Сибири?) и оттуда был привезен в Сарайчик для погребения (DeWeese, 1994: 194). ДеУиз отметил, что статус Сарайчика как домусульманского культового центра мог придавать ему значительную символическую роль в нарративах об исламизации. Это, вероятно, отражено и в сочинении Утемиша Хаджи, если допустить, что упоминаемый в повествовании корук Узбек-хана представлял собой родовое место захоронения в Сарайчике. В этой связи ДеУиз напоминает, что Абу-л-Гази прямо называет Сарайчик, основанный Бату, местом обращения Берке в ислам, а также указывает, что более поздний рассказ об обращении Узбек-хана Баба Тюклизом, недавно обнаруженный и независимый от сочинения Утемиша Хаджи, также прямо идентифицирует Сарайчик как место данного обращения (DeWeese, 1994: 199). В источнике Шамс ад-Дина ас-Суга'и, в переводе и интерпретации, обсуждаемой Девинем ДеУизом, содержится указание на то, что амиры убили Тинибека именно в Сарайчике (*bi-bilād Sarāy-jāq*), как это следует из чтения Тизенгаузена. При этом в более позднем переводе Барбары Шефер топоним был искажен и передан как «область Сарая», что нивелировало важное различие между Сараем и Сарайчиком. ДеУиз подчёркивает, что корректное чтение источника принципиально важно, поскольку оно подтверждает участие Сарайчика в сакрально-политической географии Улуса Джучи и его связь с ключевыми событиями династической истории (DeWeese, 1994: 194–196). ДеУиз указывает, что в сообщении о гибели Тинибека правильным является чтение *Saraychīq*, то есть Сарайчик. При этом он отмечает ошибку Барбары Шефер, которая прочитала данный топоним как *Sarayu* и перевела его как «область Сарая», тогда как у Тизенгаузена чтение передано ближе к *Saray-jāq* / Сарайчик (DeWeese, 1994: 96). Американский историк У. Шамилоглу полемизирует с Девинем де Визом по методологии. Он указывает, что де Виз изучает прежде всего поздние суфийские рассказы о том, что «якобы произошло», а не реальную динамику ислама в Улусе Джучи, из-за чего в книге почти нет цельного описания исламской религиозной жизни и недооценены «материальные» и текстовые свидетельства исламско-тюркской культуры. Кроме того, Шамилоглу подчёркивает, что такие нарративы могли быть поздними конструктами, обслуживавшими интересы тарикатов, и потому при некритичном использовании вносят анахронизм (Schamiloglu, 2002: 12-14). Именно в ногайский период наиболее отчётливо прослеживается закрепление за Сарайчиком погребальной функции. По совокупности признаков можно предположить, что Ногайская Орда стала первым субъектом, институционально закрепившим его некропольный статус.

При казахских ханах, начиная с Тауке и позднее, попыток возродить Сарайчик уже не предпринималось. Город окончательно утратил политическую и экономическую значимость, превратившись в родовое место беришей и воспринимаясь скорее как пространство священных могил. Его функция свелась к погребальной и мемориальной, что подчёркивает трансформацию Сарайчика из некрополя правителей в локальный сакральный топос. При этом города южной части Ак Орды – Сыгнак, Ясы (Туркестан) и другие оставались куда более привлекательными и значимыми центрами для казахской знати, окончательно оттеснив Сарайчик на периферию политической и культурной жизни степи. Южные города Ак Орды оказались более привлекательными и жизнеспособными центрами по ряду причин.

Во-первых, они лежали на пересечении ключевых торговых путей, связывавших Дешт-и Кыпчак с Мавераннахром, Хорезмом и Ферганой, тогда как Сарайчик оказался на периферии главных караванных артерий. Во-вторых, такие города как Сыгнак, Ясы (Туркестан) и Отрар были не только экономическими узлами, но и религиозными центрами: здесь находились мечети, медресе и мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, что придавало им особый сакральный престиж для казахской знати. В-третьих, политическая традиция казахских ханов постепенно связывалась именно с южными центрами, откуда они вели борьбу с соседними государствами - Шайбанидским Бухарским ханством и Могулистаном. На этом фоне Сарайчик окончательно закрепился лишь как погребальное место, утратив и торговую, и административную роль. Таким образом, его упадок отражает общее смещение политического и культурного центра тяжести Казахского ханства в южное направление. Особенностью Сарайчика было его незащищенное положение: город находился на открытом участке нижнего Жайыка, не имел мощных фортификаций и был уязвим для внезапных набегов. Именно поэтому в XVI–XVII вв. он неоднократно становился жертвой нападений казаков и донских отрядов, что окончательно подорвало его экономическую и демографическую устойчивость. В отличие от него, южные города Ак Орды – Сыгнак, Ясы, Отрар – находились в зоне более плотного оседлого населения, обладали укреплениями и опирались на развитую ирригационную систему. Эти факторы позволяли им лучше выдерживать военные удары и сохранять своё значение как торгово-политических и религиозных центров. Таким образом, различие в судьбах Сарайчика и южных центров Ак Орды объясняется не только смещением торговых путей, но и уровнем защищённости: Сарайчик, лишённый оборонительных преимуществ, оказался более уязвимым и потому быстрее потерял своё место в системе опорных пунктов казахских ханов.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что Абулхайр-хан не попытался превратить Сарайшык в идеологический центр, сопоставимый с Туркестаном. Однако с высокой долей вероятности к его правлению Сарайшык уже утратил ключевые урбанистические и институциональные функции и находился в состоянии разрушения. При отсутствии материальной базы и широкой символической поддержки сакрализация Сарайшыка как альтернативы Туркестану вряд ли могла рассматриваться как действенный инструмент легитимации.

В западной археологической литературе Сарайчик упоминается редко. Английский археолог Rosalind Wade Haddon отмечает, что у Сарайчика сложилась собственная керамическая школа. Опираясь на отечественные исследования, она пишет, что, в отличие от ильханидского мира, чёрный декор под прозрачной бирюзовой глазурью здесь был менее популярен, чем сине-чёрно-белая роспись под бесцветной прозрачной глазурью. Так, в Сарайчике 33% глазурованной керамики приходилось на изделия на кремнезёмном тесте (kashi); доля изделий с декором под бесцветной прозрачной глазурью составляла 29% всего комплекса, тогда как рельефные изделия – 35%. В Царёве и Селитрённом доля декора под бесцветной прозрачной глазурью составляла 40–43%, в Маджаре – 30%; для сравнения, под бирюзовой глазурью на всех трёх памятниках – 26–29%, а непрозрачные глазури (например, имитации целадона и *lajvardīna*) – 15–16% (Haddon, 2011: 43). Из этого следует, что в регионе доминировала сине-чёрно-белая роспись под бесцветной глазурью; «ильханидский» чёрный под бирюзой не был ведущим трендом. Высокая доля рельефной посуды указывает на серийное (формовое) массовое производство, а роль Сарайчика просматривается не как чисто импортная, а как производственно-распределительного узла.

Выводы

Представляется допустимой следующая реконструкция погребальной практики ранних правителей Улуса Джучи. В начальный, собственно монгольский период, элита могла сохранять кочевую традицию сакрализации и сокрытия царских захоронений, что объясняет

отсутствие надёжно локализуемых ранних кенотафов/мавзолеев. По мере институционализации ислама в правящей среде (XIV в.; ключевой рубеж – правление Узбек-хана) фиксируется переход к публичной мемориальной архитектуре (тюрбе) и к пространственно устойчивым некрополям. В этой логике правдоподобно, что ранние «скрытые» погребения могли концентрироваться в районе будущего Сарайшыка. Позже при Узбеке, с оформлением городского центра и его интеграцией в административно-фискальные и сакральные сети низовьев Яика–Волги, погребальная функция места стала открыто артикулироваться. Допустимо выдвинуть рабочую гипотезу о повороте при Узбек-хане (1313–1341): его программа исламизации и институционализации религиозной жизни (мечети, медресе, вақфтар) могла снять прежнее табу на полное сокрытие царских погребений и придать Сарайчику статус Малого Сарая. В таком прочтении «основание» понимается не как первичная фундация поселения, а как юридико-ритуальная конституция места памяти (*qoғuq*), оформленная при дворе Узбека. Это согласуется с общеевразийской тенденцией XIV века к символическому закреплению центров власти на периферии улуса. Вместе с тем следует подчеркнуть: прямых свидетельств локализации ханских усыпальниц именно в Сарайчике не обнаружено, а степная традиция утаивания царских захоронений могла сосуществовать с исламскими практиками мемориализации (зиарат, мазар). Поэтому формулировки о роли Узбека целесообразно оставлять вероятностными: «мог придать статус некрополя», «вероятно санкционировал сакрализацию места», избегая утверждения о буквальном «основании» города. Вместе с тем персональная атрибуция ранних захоронений остаётся гипотетической: эрозия берега Жайыка, многократные разрушения и фрагментарность источников существенно ограничивают верификацию. Следовательно, гипотеза о «скрытом» раннем этапе и последующем публичном, исламизированном оформлении мемориального центра в Сарайшике методологически состоятельна, но требует междисциплинарной проверки (археология, нумизматика, текстология, историческая картография). Норматив ислама предписывает скорейшее погребение, однако для верховных правителей документируются практики перенесения тел к династическим некрополям. С учётом статуса Сарайшыка как мемориального центра и наличия на месте некропольных и мавзольных комплексов XIV–XVI вв., логистическая и биологическая осуществимость перевоза тела из Сарая в Сарайшык выглядит правдоподобной. При этом вопрос о конкретных случаях и маршрутах должен решаться по совокупности текстовых, нумизматических, археологических и палеоэкологически обоснованных данных, а любые датировки/атрибуции ранних погребений в регионе требуют осторожности.

В качестве вывода можно отметить, что часть западноевропейских авторов описывала Сарайчик, опираясь на поздние сообщения и вторичные пересказы, нередко принимая их за прямые свидетельства без полноценной источниковедческой проверки. В результате в историографии закреплялись устойчивые, но не всегда доказуемые представления о функциях города, его маршрутах, военном и дипломатическом значении и роли в системе Орды.

Литература:

- Герберштейн, 1988 – *Герберштейн С.* Записки о Московии / пер. А. И. Малеина, А. В. Назаренко; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич; под ред. В. Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
- Рашид ад-Дин, 1941 – *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей (*Jāmi‘ al-Tawārīkh*). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Пер. Тизенгаузен
- Семенов, 1895 – *Семенов Н. С.* Туземцы северо-восточного Кавказа: рассказы, очерки, исследования... СПб.: тип. А. Хомского и К°, 1895. XVIII+488 с.
- Трепавлов, 2013 – *Трепавлов В. В.* «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2013. 224 с.

Усманов, 1972 – Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1972.

Шолахов, 2025 – Шолахов М.Г. Сарайчик улуса Джучи в европейской и отечественной историографии. *Asian // Journal “Steppe Panorama”*, 2025, 12 (1). С. 21–35.

Шпулер, 2016 – Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. Пер. и комм. М. С. Гатина. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.

Bagrow, 1964 – Bagrow L. *History of Cartography*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1964. Pp. 229–233. (in Eng.)

Barthold & Rogers, 1970 – Barthold V. V.; Rogers J. M. The Burial Rites of the Turks and the Mongols. *Central Asiatic Journal* 14(1/3): 195–227.

DeWeese, 1994 – DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1994. 656 pp.

Delisle, 1706 – Delisle G. Carte de Tartarie. Dressee sur les relations de plusieurs voyageurs de differentes nations et sur quelques observations qui ont ete faites dans ce pais la. Engraved map. Paris: Chez l’Auteur sur le Quai de l’Horloge a l’Aigle d’Or, avec Privilege, 1706. Engraver: Des Rosiers. In: *Atlas de Geographie*. David Rumsey Map Collection. URL: <https://www.davidrumsey.com/maps4457.html> (accessed: 2026).

Favereau, 2021 – Favereau M. The Horde: How the Mongols Changed the World. Cambridge, MA: Belknap Press (Harvard University Press), 2021. 384 pp.

Favereau & Pochekaev, 2023 – Favereau M.; Pochekaev R. Yu. The Golden Horde, c. 1260–1502. In: Biran M.; Kim H. (eds.) *The Cambridge History of the Mongol Empire*, vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2023, pp. 243–318.

Haddon, 2011 – Haddon R. A. W. Fourteenth-Century Fine Glazed Wares Produced in the Iranian World, and Comparisons with Contemporary Ones from the Golden Horde and Mamlūk Syria/Egypt. PhD diss., SOAS, University of London, 2011.

Hammer-Purgstall, 1840 – Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C. A. Hartleben’s Verlag, 1840. (cit.: p. 280).

Harley, 1988 – Harley J. B. *The New Nature of Maps*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001, pp. 66–69.

Howorth, 1880 – Howorth H. H. *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*. Part II: The So-Called Tartars of Russia and Central Asia. Division I. London: Longmans, Green & Co., 1880. 662 pp.

Jackson, 2017 – Jackson P. *The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven: Yale University Press, 2017. 448 pp.

Pegolotti, 1936 – Pegolotti F. B. *La Pratica della Mercatura* / ed. A. Evans (Medieval Academy Books, 24). Cambridge, MA: Medieval Academy of America, 1936. 443 pp.

Sarkissjanz, 1961 – Sarkissjanz E. *Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917*. München: Oldenbourg, 1961. 422 S.

Schilder, 1986 – Schilder G. *Monumenta Cartographica Neerlandica*, Vol. VI. Alphen aan den Rijn, 1986. P. 110-116.

Vasary, 2007 – Vasary I. The Nogay Tatars and Their Role in Nogay Russian Diplomatic Relations in the Fifteenth to Seventeenth Centuries. *Cahiers du monde russe*, 48(1), 2007, 29–44.

References:

Bagrow, 1964 – Bagrow L. *History of Cartography*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1964. Pp. 229–233.

Barthold & Rogers, 1970 – Barthold V. V.; Rogers J. M. *The Burial Rites of the Turks and the Mongols*. *Central Asiatic Journal* 14(1/3): 195–227.

DeWeese, 1994 – *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1994. 656 pp.

Delisle, 1706 – *Delisle G.* Carte de Tartarie. Dressee sur les relations de plusieurs voyageurs de differentes nations et sur quelques observations qui ont ete faites dans ce pais la. Paris: Guillaume DeLisle, Quai de l'Horloge a l'Aigle d'Or, 1706. Atlas map, engraved, 64 × 49 cm. David Rumsey Map Collection. URL: <https://www.davidrumsey.com/maps4457.html> (accessed: 2026). (in Fr.)

Favereau, 2021 – *Favereau M.* The Horde: How the Mongols Changed the World. Cambridge, MA: Belknap Press (Harvard University Press), 2021. 384 pp. (in Eng.)

Favereau & Pochekaev, 2023 – *Favereau M.; Pochekaev R. Yu.* The Golden Horde, c. 1260–1502. In: Biran M.; Kim H. (eds.) The Cambridge History of the Mongol Empire, vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2023, pp. 243–318. (in Eng.)

Haddon, 2011 – *Haddon R. A. W.* Fourteenth-Century Fine Glazed Wares Produced in the Iranian World, and Comparisons with Contemporary Ones from the Golden Horde and Mamlūk Syria/Egypt. PhD diss., SOAS, University of London, 2011. (in Eng.)

Hammer-Purgstall, 1840 – *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C. A. Hartleben's Verlag, 1840. (cit.: p. 280). (in Ger.)

Harley, 1988 – *Harley J. B.* The New Nature of Maps. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001, pp. 66–69. (in Eng.)

Herberstein, 1888 – *Herberstein S.* Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. / per. s lat. i nem. A. I. Maleina, A. V. Nazarenko; vstup. st. A. L. Khoroshkevich; pod red. V. L. Ianina. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1988. 430 s. (in Rus.)

Howorth, 1880 – *Howorth H. H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Part II: The So-Called Tartars of Russia and Central Asia. Division I. London: Longmans, Green & Co., 1880. 662 pp. (in Eng.)

Jackson, 2017 – *Jackson P.* The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. New Haven: Yale University Press, 2017. 448 pp. (in Eng.)

Pegolotti, 1936 – *Pegolotti F. B.* La Pratica della Mercatura / ed. A. Evans (Medieval Academy Books, 24). Cambridge, MA: Medieval Academy of America, 1936. 443 pp. (in It.)

Rashid al-Din, 1946–1960 – *Rashid al-Din.* Sbornik letopisei (Jāmi' al-Tawārīkh) [Collection of Chronicles (Jāmi' al-Tawārīkh)]. Moskva–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1946–1960. (in Rus.)

Sarkissjanz, 1961 – *Sarkissjanz E.* Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917 [History of the Oriental Peoples of Russia up to 1917]. München: Oldenbourg, 1961. 422 S. (in Ger.)

Semenov, 1895 – *Semenov N. S.* Tuzemtsy severo-vostochnogo Kavkaza: rasskazy, ocherki, issledovaniia [The Natives of the Northeastern Caucasus: Stories, Essays, Studies] Sankt-Peterburg: tip. A. Khomskogo i K°, 1895. XVIII+488 s. (in Rus.)

Sholakhov, 2025 – *Sholakhov M.* Sarajchik ulusa Dzhuchi v evropeiskoi i otechestvennoi istoriografii [Sarajchik of the Ulus of Jochi in European and Domestic Historiography]. Asian Journal “Steppe Panorama”, 2025, 12(1): 21–35. (in Rus.)

Shpuler, 2016 – *Shpuler B.* Zolotaia Orda. Mongoly v Rossii [Mongols in Russia]. 1223–1502 gg. Per. i komm. M. S. Gatina. Kazan': Institut istorii im. Sh. Marzhani AN RT, 2016. 500 s. (in Rus.)

Schilder, 1986 – *Schilder G.* Monumenta Cartographica Neerlandica, **Vol.** VI. Alphen aan den Rijn, 1986. (in Eng.)

Trepavlov, 2013 – *Trepavlov V. V.* “Orda samovolnaia”: kochevaia imperiia nogaev XV–XVII vv. x The Self-Willed Horde”: The Nomadic Empire of the Nogais, 15th–17th Centurie [The

Self-Willed Horde”: The Nomadic Empire of the Nogais, 15th–17th Centuries] Moskva: Kvadriga, 2013. 224 s. (in Rus.)

Usmanov, 1972 – Usmanov M. A. Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv [Tatar Historical Sources of the 17th–18th Centuries]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1972. (in Rus.)

Vasary, 2007 – Vasary I. The Nogay Tatars and Their Role in Nogay Russian Diplomatic Relations in the Fifteenth to Seventeenth Centuries. *Cahiers du monde russe*, 48(1), 2007, 29–44.

***¹Шолахов М.Г., ²Набиев Р.А.**

**¹Л.Н. Гумилёв атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан*

²Болгар ислам академиясы, Болгар қ., Татарстан Республикасы, Ресей

E-mail: muri777@mail.ru, rinat.Nabiev@kpfu.ru

ЖОШЫ ҰЛЫСЫНЫҢ БАТЫС ЕУРОПАЛЫҚ ТАРИХНАМАСЫНДАҒЫ САРАЙШЫҚ МӘСЕЛЕСІН ЗЕРТТЕУ

Аңдатпа. Мақаланың мақсаты XIX–XXI ғасырлардағы Батыс Еуропа тарихнамасында Сарайшық қаласының қалай сипатталғанын классикалық жинақтаушы еңбектер мен Жошы ұлысы және посторда мемлекеттері жөніндегі заманауи зерттеулер негізінде көрсету болып табылады. Зерттеудің өзектілігі Сарайшықтың ғылыми және ғылыми көпшілік әдебиетте Алтын Орда байланыс желілерінің маңызды торабы әрі әулеттік элитаның сакралды жерлеу орталығы ретінде жиі аталуымен түсіндіріледі. Алайда Батыс дәстүрінде мұндай түсініктер көбіне мәліметтердің шектеулі ауқымына, топонимдік шатасуларға және екінші деңгейлі компиляцияларға сүйеніп құрылады. Сондықтан бұл мәселелер нақтылауды және сыни тұрғыдан қайта қарауды талап етеді. Зерттеудің жаңалығы Батыс авторларының Сарайшыққа қатысты интерпретацияларын жүйелеу және тұрақты сюжеттік мотивтер мен деректік тәуелділіктерді айқындау арқылы көрінеді. Әдістемелік негіз деректанулық және салыстырмалы тарихнамалық талдауға сүйенеді және қайталанатын қателер мен өзара ықпалдасқан дерек көшіру үлгілерін анықтауды қамтиды. Нәтижелер Батыс авторларының Сарайшықты көбіне үш қырда сипаттайтынын көрсетеді. Олар Сарайшықты ордалық жолдардың транзиттік торабымен байланыстырады және элитаның жады кеңістігі мен жерлеу сакрализациясының орны ретінде қарастырады. Сонымен қатар оны кейінгі орта ғасырлардағы Ноғай саяси кеңістігінің маңызды нүктесі ретінде атайды. Ең проблемалы жәйттар Сарай, Төменгі Сарай және Сарайшық атауларының өзара шатастырылуы және компилятивтік мәліметтердің сыни сүзгісіз қолданылуы болып қала береді. Қорытындыда Сарайшықтың сакралды жерлеу мәртебесі туралы түсінік жалпы алғанда шынайы болуы ықтимал екені айтылады. Дегенмен Батыс дәстүріндегі кейбір тұлғалық атрибуциялар мен мерзімдеулер көбіне болжамдық сипатта қалып, деректерді қайтадан сыни оқып шығу арқылы қосымша тексеруді қажет етеді.

Алғыс: ЖТН АР26103999 «Сарайшық ортағасырлық қалашығының тарихын кешенді зерттеу»

Кілт сөздер: Сарайшық, Алтын Орда, Батыс Еуропа тарихнамасы, жерлеу практикалары, деректанулық талдау, Жошы Ұлысы, Жайық.

***¹Sholakhov M.G., ²Nabiev R.A.**

**¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan e-mail:*

²Bulgarian Islamic Academy, Bolgar, Republic of Tatarstan, Russia

E-mail: muri777@mail.ru, rinat.Nabiev@kpfu.ru

AN ANALYSIS OF SARAICHIK IN THE WESTERN EUROPEAN

HISTORIOGRAPHY OF THE ULUS OF JOCHI

Abstract. The aim of this article is to demonstrate how the city of Saraichik has been represented in Western European historiography from the nineteenth to the twenty first century on the basis of both classical synthetic works and modern studies on the Jochid Ulus and post Horde polities. The relevance of the research stems from the fact that Saraichik is frequently mentioned in scholarly and popular literature as an important hub of Golden Horde communications and as a sacred funerary center. In Western scholarship, however, such views have often been constructed on the basis of a limited body of information, toponymic confusion, and secondary compilations, which makes critical clarification and revision necessary. The novelty of the study lies in the systematic overview of Western interpretations of Saraichik with an emphasis on recurring narrative motifs and source dependencies. The methodology is grounded in source critical and comparative historiographical analysis and includes the identification of repeated errors and borrowings. The results show that Western authors most often describe Saraichik within three frameworks. It is presented as a transit node within the Horde road network, as a space of memory and funerary sacralization of the elite, and as a key point within the Nogai political landscape of the late medieval period. The most problematic cases involve the conflation of Sarai, Lower Sarai, and Saraichik and the uncritical use of compilative information. The article concludes that the idea of Saraichik as a sacred funerary site is generally plausible. However, personal attributions and chronological claims in Western scholarship often remain hypothetical and require further verification through renewed critical reading of the sources.

Acknowledgements: IRN AP26103999 “Comprehensive Study of the History of the Medieval Settlement of Saraishyk”

Keywords: Saraichik, Golden Horde, Western European historiography, funerary practices, source-critical analysis, Ulus of Jochi, Ural (Zhaiyk) River.

Авторлар туралы мәлімет:

Шолахов Мурат Ғарифоллаұлы – Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Ph.D докторанты, Астана, Қазақстан

Нәбиев Ринат Ахметғалиұлы – Болгар ислам академиясы, Болгар, Татарстан Республикасы, Ресей

Сведения об авторах:

Шолахов Мурат Ғарифоллаевич, – Ph.D докторант, Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Набиев Ринат Ахматгалиевич – Болгарская исламская академия, г. Болгар, Республика Татарстан, Россия

Information about authors:

Murat G. Sholakhov – Ph.D. student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Rinat Akhmatgalievich Nabiev – Bulgarian Islamic Academy, Bolgar, Republic of Tatarstan, Russia

*Келін түсті 28 ақпан 2026 жыл
Қабылданды 6 мамыр 2026 жыл*